

ВОСТОЧНЫЕ БОЕВЫЕ ИСКУССТВА В РОССИИ

О РИСКАХ ПРЕВРАЩЁННЫХ ФОРМ КУЛЬТУРНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ*

Андрей Владимирович ПОПОВКИН,
кандидат философских наук

Методология метакультуры [11] предполагает критический анализ и оценку различного рода культурных заимствований, которые всегда имеют место в истории народов. Всякая культурная диффузия несёт в себе риск разного рода превращений, далеко не всегда создаёт зоны соразвития культур. Весьма показательным в этом отношении является судьба восточных боевых искусств на российской культурной почве.

В России, на Дальнем Востоке интерес к боевым искусствам Востока принял поначалу подлинно метакультурный характер: основатель российской школы дзюдо В.С. Ощепков познакомился с ним во время занятий в семинарии [4]. Руководил ею архиепископ Николай Японский, который смотрел на дзюдо как на средство укрепления телесных сил своих воспитанников [4, с. 27]. В.С. Ощепков тренировался под личным руководством основателя дзюдо Кано Дзигоро. И весьма примечательно, что этот воспитанник двух великих учителей стал не просто транслятором японской традиции дзюдо, но творчески его дополнил и переработал, исходя из суровых реалий жизни в России того времени. Его усилия, продолженные учениками, привели к становлению новой школы рукопашного боя самбо, позднее разделённого на боевое и спортивное направления. Дзюдо в России могло бы стать подлинно метакультурным феноменом, примером творческого усвоения и развития плодов восточной культуры, однако, в дело вмешалась политика: В.С. Ощепков был репрессирован, даже слово «дзюдо» на несколько десятилетий оказалось под запретом, а творческие контакты с японскими мастерами разорваны.

Тем не менее становление дзюдо было лишь одним из проявлений всплеска интереса к восточным боевым искусствам, охватившего не только Россию, но и несколько ранее Европу. Этот процесс пришёл на начало XX в. — эпоху модерна, которая заново открыла для западной цивилизации иррациональные аспекты бытия человека, вызвав к жизни множество новых форм и направлений в искусстве, философии, литературе, а также волну интереса к мистике и оккультизму, в том числе и к мистическим учениям Востока. Причём активными апологетами такого интереса выступали как представители Запада, в первую очередь кружки теософов, традиционалисты во главе с Р.Геноном, так и представители Востока, особенно адепты неоиндуизма, в частности Вивекананда, побывавший на Всемирном конгрессе религий в Чикаго в 1894 г. Интерес к Востоку стал модным веянием в культурной жизни Европы. Эта мода на восточную мистику отразилась также и на многих областях востоковедения. В частности,

* Статья выполнена в рамках работы академического семинара под руководством проф. С.Е. Ячина с участием С.Ю. Пчелкиной, М.Е. Буланенко, Н.Ю. Малковой, Н.А. Олешкевич, Е.С. Гришиной и др.

В.К. Шохин [16, с. 9—15] отмечает, что индийская философия под влиянием «теософии для толпы», с одной стороны, и неоиндуистов — с другой, превратилась в «лавку древностей» и оказалась выключена из генеральной линии развития современной философии.

Очевидно, что рано или поздно линии интереса к восточной мистике и восточным боевым искусствам должны были встретиться. Однако эта встреча произошла скорее всего не в России, а в США или Европе, когда приблизительно лет через десять после Второй мировой войны начался бум восточных единоборств, а в результате движения хиппи пошла мода на опыт пограничных психических переживаний, для которых Восток предлагал вполне законный (в отличие от принятых у хиппи ЛСД и марихуаны) метод — медитацию.

В культурную жизнь России массовая мода на духовные аспекты восточных единоборств вошла в эпоху 90-х (такие энтузиасты, как А. Штурмин, А.А. Долин, Г.В. Попов и др., проявлявшие подлинно глубокий интерес к этому направлению, появились гораздо раньше). Во многом это было обусловлено культурно-мировоззренческим кризисом российского общества. Причём восточные единоборства пришли к нам не только с Востока, но и из США и Европы. Однако эта мода до сих пор не проходит ни в России, ни на Западе. Следовательно, дело не только в кризисе массового сознания, вызванного сменой государственной идеологии, причины лежат гораздо глубже. Следует отметить, что в статье речь пойдёт не о подлинном глубоком интересе к восточным традициям, а о феномене моды, искажающем и превращающем всё, чего бы она ни коснулась.

Пожалуй, самым парадоксальным в моде на восточные единоборства является то, что многие из них признаются экспертами не только малоэффективными в реальном бою (широкой общественности это может быть неизвестно), но и прямо говорят об условности приёмов. Таково, например, «бесконтактное» искусство каратэ Сётокан. В этой школе состязательные поединки между учениками проводятся так, чтобы наносимые ими удары согласно правилам останавливались за несколько миллиметров от тела противника. При этом утверждается, что бой бесконтактный потому, что удары якобы смертельны. В итоге получается виртуальный бой виртуально смертоносных бойцов. Тем не менее каратэ Сётокан и другие подобные ему бесконтактные единоборства (айкидо, некоторые разновидности ушу и т.п.) никак не подходят под разновидность этакого «пинг-понга». Усилия, затрачиваемые учениками, вполне сопоставимы с нагрузкой борцов или боксёров. Многие приёмы могут нанести ощутимый вред противнику, т.е. налицо вроде бы все признаки реального спортивно-прикладного единоборства (имеются даже характерные спортивные травмы), но они совершенно не способны удовлетворить требования реального боя.

Для нашего исследования представляет интерес ответ на вопрос: почему в России, да и на Западе, популярными стали именно эти, виртуальные формы восточных боевых искусств. Ключ к разгадке видится нам в самой сути вопроса — в идее виртуального, т.е. «почти настоящего», его роли и значении в жизни человека и его месте в современной культуре. Чтобы понять это, мы обратимся к синергичной антропологии С.С. Хоружего (это ещё довольно молодое и достаточно сложное направление в современной российской философской антропологии), которая предоставляет в наше распоряжение очень удобный и эффективный концептуальный аппарат для решения поставленной проблемы. В ней феномены «почти настоящего существования» рассматриваются как разновидность *проявлений антропологической Границы* (которая охватывает всё разнообразие форм человеческого существования, всё, чем и как мы живём). С точки зрения синергичной антропологии человек вообще определяется не своей сущ-

ностью (от такого понимания предлагается отказаться ввиду огромного разнообразия внутренних миров, т.е. сущностей людей), а своей *Границей*. Но Граница у человека не одна, как утверждает С.С. Хоружий, а три: граница с Инобытием (иным, нежели род бытия человека, в религиозной философии это бытие Бога), с Иносущим (сущим, выходящим за пределы, доступные опыту человеческого сознания, т.е. с Бессознательным) и, наконец, с Виртуальным. Согласно С.С. Хоружему «...главнейший признак виртуального явления — его привативность по отношению к «реальному» эмпирическому явлению: оно характеризуется недостатком, отсутствием тех или иных определяющих черт (каких-то измерений, структурных элементов, базовых предикатов) явлений обычной эмпирической реальности, так что ему присуще своего рода частичное, недовоплощённое (в световой метафоре — «мерцающее») существование» [15]. Как видим, удар каратэ Сётокан, нанесённый в полную силу по смертоносной траектории и намеренно не достигающий цели (в идеале — лишь слегка касающийся противника), в полной мере выражает феномен виртуальности.

При обсуждении идей синергичной антропологии С.Е. Ячин отметил, что три вида антропологической границы, выделенные С.С. Хоружим, вполне коррелируют с тремя типами доступного человеку опыта, а именно: опытом трансцендентального (в кантовском смысле), предметного и символического. К духовной культуре могут быть отнесены, главным образом, трансцендентальный и символический опыты. Граница первого как раз и будет Границей с Инобытием, о которой говорит С.С. Хоружий. Границей же символического опыта станет то «место», где символ перестаёт быть самим собой. В традициях русской философии он отличается от знака тем, что в пределе отсылает нас к самой Реальности. Однако современная культура постмодерна наполнена *превращёнными формами** символов — симулякрами, за которыми не стоит ничего и которые отсылают только к другим симулякрам. Именно так характеризует культуру постмодерна, к примеру, Ж. Бодрийяр [2]. Граница, где символ превращается в симулякр, и есть место, где опыт Реальности превращается в опыт Виртуального, который С.С. Хоружий определяет как недород бытия [14]. И он, в полном согласии с Ж. Бодрийяром, указывает, что в современном мире, особенно в массовой культуре, всё более доминируют практики Виртуальной границы.

Рассматриваемые нами модные единоборства «почти боевые», «почти настоящие», т.е. виртуальные. Причём эта виртуальность зачастую заложена в них изначально. Так, например, было сделано в каратэ Сётокан его основателем Гитином Фунакоси. Однако в то же самое время в Японии действовал ещё один популяризатор Окинава-тэ Мотобо Тёки, которому принадлежит весьма любопытное высказывание: «Ничего не приносит большего вреда обществу, чем воинские искусства, которые не дают пользы в реальном бою»**. Казалось бы, это банальное высказывание очередного «ястреба», каких немало в японской истории. Однако вспомним, что воинские искусства — это важная часть национальной культуры Японии. Неприменимые в реальном бою, они с точки зрения теории культуры, суть симулякры, а общество, подменяющее символический

* Понятие *превращённой формы* было введено К. Марксом. М.К. Мамардашвили, полагая превращённую форму ключом к анализу сознания на различных его уровнях, характеризует её как продукт превращения внутренних отношений сложной системы, происходящего на определенном её уровне и скрывающего их фактический характер и прямую взаимосвязь косвенными выражениями [8].

** Мотобо Тёки — один из забытых историй мастером каратэ, современник и соперник создателя Сётокан-каратэ-до Гитина Фунакоси. Цит. по [3].

опыт культуры опытом симулякров особенно в столь жизненно важной сфере, очевидно, больно и находится в кризисе.

Наша позиция состоит не в доказательстве виртуальности собственно традиционных боевых искусств Востока — далеко не все они были таковыми изначально. Мы полагаем, что их возможности в плане обогащения нашего трансцендентального, предметного и символического опыта далеко не исчерпаны. Метакультурный потенциал восточных единоборств огромен. Помимо того, что все они базируются на той или иной духовной традиции, они также являют совершенно уникальную целостную герменевтику телесности, рефлексивное соотнесение с которой могло бы обогатить наше понимание роли телесных практик в духовных традициях. Так, С.С. Хоружий, опираясь на антично-христианские традиции, указывает, что «...отличие телесной стихии с древности видели в её инертности, косности...» [13]. Причём, характеристика косности выражает именно «...неподвластность тела разуму и сознанию». С другой стороны, восточные единоборства, особенно так называемые «внутренние стили», являют пример построения «разумной телесности» [7], когда в результате особых психофизических практик паттерны телесности перестают выступать инертной силой, сдерживающей спонтанное самопроявление истинной природы человека (соответственно традиции — Дао или Буддо).

Тем не менее в условиях превращения в массовой культуре символического опыта в опыт симулякров неизбежно произошли и изменения в доступных массовому потребителю школах восточных единоборств. Совершенно ясно, что изначально их путь был задуман как духовная практика, о чём свидетельствует включённость боевых искусств в традиции буддизма и даосизма. Следовательно, эти практики должны были открывать человеку нечто стоящее за пределами обыденного опыта — границы Инобытия, а в некоторых, связанных с погружением адепта в паттерны бессознательного (как, например, в некоторых «звериных» стилях китайского ушу), и границы Иносущего. Однако культурный потенциал традиционных боевых искусств Востока, наполненный глубочайшим символическим содержанием, всё-таки превратился в современной массовой культуре в опыт Виртуальной границы — наиболее популярными в российской и западной культуре стали изначально «виртуальные», или утратившие прикладной аспект направления восточных единоборств. Что же влечёт к ним людей? Если человек идёт заниматься единоборством, то почему он не выбирает что-то более эффективное, например, бокс, самбо, наконец, дзюдо? Почему переполнены залы довольно дорогих секций айкидо, где нет неоговорённых заранее схваток, бесконтактных стилей каратэ, ушу, где изучают лишь формальные комплексы таолу?

На основании проведённых исследований и собственного более чем 15-летнего опыта практики восточных единоборств решимся высказать следующее утверждение: основная причина массовой популярности «виртуальных» восточных боевых искусств состоит в том, что они обещают *магическую победу* над противником, обретение сверхъестественной, ирреальной магической мощи. Это привлекательно для обывателя тем, что современное общество в отличие от традиционного не имеет чётко простроенной магической иерархии власти. Таким образом, обыватель, находящийся, как правило, на относительно невысоких ступенях служебной, семейной или дворовой иерархии (если речь идёт о подростке), рассчитывает занять гораздо более высокую позицию в альтернативной (магической) иерархии и обрести власть над теми, кому он был подчинён в устоявшихся социальных структурах.

Казалось бы, выдвинутому тезису противоречат социальные процессы втягивания школ и секций восточных единоборств в общую спортивную орбиту —

проводятся соревнования, раздаются призы и звания — в общем, нормальная спортивная жизнь без всякой магии. Более того, ни в одном рекламном плакате мы не найдём ни единого упоминания о магии или религии, максимум — про «восточную философию», да и то редко. В основном все школы восточных единоборств позиционируют себя как школы *духовного развития и самообороны*, точнее, духовного развития *посредством* обретения навыков самообороны. Этот «коктейль» уже никому не кажется странным, потому что для восточной культуры эти начала не мыслятся как нечто различное по природе. В русской же культуре под духовным развитием понимается, прежде всего, становление личностного начала в человеке. Личность же под влиянием православно-христианского мировоззрения предстаёт как нечто внеприродное. В. Н. Лосский определяет её как «несводимость человека к его природе», а Н. А. Бердяев говорит о личности как о не рождаемой ни отцом, ни матерью [1, с. 125] и т. п. В китайской культуре, оказавшей сильнейшее влияние на развитие почти всех восточных боевых искусств, это высказывание было бы невозможно, ибо, как показывает А. И. Кобзев, личность ассоциируется не с душой и даже не с лицом (как это слышится в русском языке), а скорее с телом. В ней господствует «понимание человека как субстантивированной индивидуализированной жизни...» [6, 298]. Китайский аналог понятия личность «шень» означает буквально «я, живущий благодаря такой-то женщине» (рождённый ею) [6, с. 299]. Таким образом, духовное самосовершенствование посредством овладения методами рукопашного боя, естественное для китайской культуры, в российском сознании, сформированном на основе христианского мировоззрения, должно было бы вызывать изумление (а значит, побуждать к рефлексии!), но в нашу *неомагическую* (подробнее см. [5]) эпоху оно уже вполне привычно.

Говоря об обещаниях магической победы, интересно взглянуть на историю возникновения современных стилей восточных единоборств. Например, очень популярное и «одухотворённое» искусство айкидо было создано Уэсибой Мори-хэи как способ популяризации идей синтоистской секты Омото-кё и с благословения одного из её духовных лидеров Дэгути Онисабуро [9, с. 155—161]. Собственно, одухотворённость айкидо, проявляющаяся в его акцентуации на работе с «внутренней энергией» человека «ки» и некоторых моральных нормах, состоит как раз в том, что «ки» ученика должно гармонизировать с «ки» Единого истинного божества — «Великой основы», — стоящего над миром духов (выстраивание отношений с которыми и есть основная часть практики Синто). Другой пример — программный документ одной из популярных ныне школ каратэ гласит: «Основой должен стать дух боевых искусств — Путь Богов, или синтоизм, должен быть центром поклонения тех, кто преисполнен веры» [9, с. 338]. Что же касается китайских боевых искусств, то их связь с буддизмом или даосизмом (последний, особенно в своих ранних формах, очень близок по духу религии Синто) общеизвестна и никогда не скрывалась.

Итак, мы видим, что многие из школ восточных единоборств зарождались в русле неких религиозных сект. Можно утверждать, что практически *все школы восточных единоборств представляют собой своего рода аскетическую практику той или иной восточной религиозной доктрины*.

Специфическая, почти сектантская практика в виде поклонов портрету основателя школы, счёта на японском или китайском языке во время занятий, использования национальной (японской или китайской) одежды для тренировок проявляется во многих школах единоборств, даже если тренер не является китайцем или японцем. Если же он ещё и носитель этнической культуры, ситуация и вовсе принимает характер явного прозелитизма. Учитель согласно китайской

традиции выбирает себе так называемых «личных учеников». При этом, по свидетельству информанта А.К. Лобковой, ученик *получает символическое (китайское!) имя*, символическое выражение ранга или статуса, позиции в иерархии, наконец, пользуется правом личных встреч (сборов) с учителем. Фактически происходит погружение или даже магическое «пресуществление» человека. Ведь если обратиться к христианской традиции, то новое имя даётся человеку только при крещении, либо когда совершается монашеский постриг — российская культура весьма серьёзно относится к имени человека.

Во что же погружается новоиспечённый «личный ученик»? Не меняет ли он, как в библейской истории, право первородства на похлёбку? Вспомним, что восточноазиатские религиозные доктрины основаны на магико-языческом мировоззрении и потому вряд ли совместимы с аутентичным русской культуре православием, даже с учётом простонародного «двоеверия» (чаще всего такой ученик — горожанин и вряд ли он когда-либо верил в домового и т.п.).

В этой связи необходимо затронуть вопрос о неоязычестве и магических аспектах мировоззрения в российской, равно как и в западноевропейской культуре. Последние годы принято говорить о кризисе культуры, но вопрос о его причинах всё ещё открыт. Нам представляется обоснованной позиция Г. Гуссерля, который полагал, что духовный кризис Европы связан с прагматизмом и утратой ценности теоретического мышления. Казалось бы, магия и прагматизм — явления несовместимые. Что это не так проясняется, например, после знакомства с исследованием Л. Ионина [5], где он утверждает, что в современном мире наука и техника уже не расколдовывают мир, как это было во времена М. Вебера, а, напротив, в силу своей сложности и изощрённости, заколдовывают его. Обыватели в наши дни живут в мире вещей, чей принцип функционирования часто за пределами их интеллектуальных способностей. А в «заколдованном» мире, конечно же, нет ничего практичнее магии! Кроме того, потребность в безопасности, как известно, относится антропологами к разряду базовых. И она же является одной из наиболее трудно поддающихся рационализации — очень часто в опасных ситуациях человек руководствуется паттернами бессознательно (инстинктами, привычками, предрассудками), а не доводами разума.

Одним из первых установил связь магических практик с архетипами бессознательного К.Г. Юнг [17]. Следовательно, в терминах синергичной антропологии, *магия — изначально практика границы Бессознательного*. Однако в современной массовой культуре (культуре симулякров) магические практики чаще всего являются смесью практик Виртуального и Бессознательного. Примером могут служить не только рассматриваемые восточные единоборства, но и популярные течения неоиндуизма (интегральная йога Шри Ауробиндо), экстрасенсы и т.п.

Практики восточных единоборств, бесспорно, ставят человека в пограничное состояние. В подлинно боевых искусствах речь, разумеется, идёт о границе между Жизнью и Смертью. Следовательно, практики этой границы должны, как мы уже говорили, становиться либо духовными практиками — практиками Границы с Инобытием (вспомним святых-воинов, начиная с Георгия Победоносца), либо практиками Границы Бессознательного (например, уголовники часто перед схваткой используют «раскачку», доводя себя до звериного испуга). Можно утверждать, что оба пути для массового сознания, привыкшего подменять реальность симулякрами, представляются равно опасными и чрезмерно радикальными, суля непосредственное столкновение с Реальностью. И потому *модные единоборства* хотя и ставят человека в пограничное состояние, но делают это *виртуально*, выводя к Границе реального мира и погружая в весьма насыщенный мир псевдодостижений и псевдоопасностей. В этих виртуально-магичес-

ких практиках восточных единоборств человек проводит огромную работу, преобразуя свои поведенческие и двигательные стереотипы, вторгается с помощью дыхательно-медитативных практик в сферы своего бессознательного, но всё это не выливается в итоге в практически применимую форму. Сдвиг сознания в область Виртуального заходит порой весьма глубоко. Так, например, согласно нашим опросам некоторые продвинутые ученики каратэ Сётокан наносили «бесконтактные» удары даже в ситуации реального нападения на них бандитов на улице (это изрядно шокировало как их самих, так и нападавших!).

Виртуализации восточных боевых искусств на российской культурной почве способствует и принятая в них традиционная азиатская манера обучения, неадекватная нашей ментальности, основанная на подражании учеников мастеру. Эта черта очень сильно выражена в восточных школах нового поколения. Ближайший ученик основателя айкидо Коити Тохэи говорит: «Мастер Уэсиба часто использовал фразы типа «ки-но нагарэ» («ток *ки*») и «*ки* музуби» («гармония *ки*»), но он читал лекции только по текстам секты Омото-кё или использовал имена богов. Он никогда не объяснял, что такое «*ки*», или как его следует понимать...» [9, с. 169]. Подобный подход зачастую практикуется и в российских школах восточных единоборств, что служит одной из причин различных девиаций в поведении учеников, о чём мы уже писали ранее [10].

Декларируемая же современными восточными боевыми искусствами возможность выйти на границу с Инобытием (т.е. стать подлинно духовной практикой) — явление крайне редкое, в опыте автора в чистом виде практически не встречалось. В лучшем и очень редком случае удавалось наблюдать разнообразные смеси практик Инобытия и Бессознательного. Примечательно, что в православной традиции такие смешения называются *прелестью* и считаются весьма опасными для духовного и душевного здоровья. Нам доводилось встречать поклонников единоборств, чьи практики на самом деле вели к границе Бессознательного — их боевые навыки действительно выходят за рамки обычного, но часто уже не они управляют своим боевым искусством, но оно само помимо их сознательной воли руководит ими. И, возможно, люди, заигравшиеся в виртуальные игры с восточным Драконом боевых искусств, избегли гораздо большей опасности, не познакомившись с его подлинно магической ипостасью. В целом же, можно утверждать, что в секции восточных единоборств люди идут для того, чтобы победить свой страх. Страх обычного человека, как правило, по своей природе животное чувство, принадлежащее сфере бессознательного, и потому борьба с ним всегда протекает в *пограничной* сфере человеческого бытия. А побеждать его можно тремя способами: первый — через само бессознательное, опираясь на даосские и буддийские психотехники. В частности, следуя закону взаимопревращения Инь и Ян, можно особым образом «отпустив»* страх (инь), позволить ему превратиться в свою дуальную пару — гнев (ян), а затем применить эту энергию для победы над противником. Или можно допустить психическое вторжение бессознательного в сферу сознания — сформировать субличность, стать на время зверем или неким героем (последнее активно практиковали *ихэтуани*)**. Второй путь победы над страхом, как мы показали в статье, состоит в том, чтобы бесконечно побеждать «условного противника», всё более и более совершенствуя, своё «условное» мастерство и обретая уверенность в своих силах, просто перестать думать о страхе. Наконец, третий, самый трудный

* Имеется в виду практика *недеяния* (*у-вэй*).

** Пункт 3 Устава ихэтуаней гласит: «Ихэтуани могут вселять в себя духов...» [12], что использовалось не только для магического выявления скрытых христиан, но и при уско-
рленном обучении бойцов рукопашному бою.

путь, но самый, пожалуй, достойный человека — превзойти своё животное бытие (бессознательное), выйдя на границу Инобытия. Именно к этому зовут человека мировые религии.

Таким образом, популярные восточные единоборства будучи сочетанием виртуально-магических и виртуально-боевых практик погружают человека в неподлинный мир, отрезая от трансцендентального и символического опыта и закрывая тем самым возможности духовного становления. Такая форма межкультурного взаимодействия, хотя и может быть оценена как некая «творческая» переработка достижений восточной культуры, тем не менее, очевидно, представляет собой превращённую массовым сознанием форму межкультурного взаимодействия. И потому важнейшая задача практики метакультуры — подвергнуть критике такие нерелексивные формы культурных заимствований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики: (Творчество и объективизация). Париж, 1947. 222 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. 387 с.
3. Горбылёв А.М. Неистовый боец Мотобу // «Кэмпо: боевые искусства вчера и сегодня». 1997. № 3. Режим доступа: http://members.tripod.com/~CombatMachine/kemp24_r.htm
4. Горбылёв А.М., Лукашёв М.Н. Владивосток — колыбель российского дзюдо // Журнал-проект «37-я стратагема». 2005. № 1. С. 25—33.
5. Ионин Л. Новая магическая эпоха // Логос. 2005. № 5. С. 23—40.
6. Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М., 2002. С. 298.
7. Малявин В.В. Традиция «внутренних школ» ушу. М. 1993. 103 с.
8. Мамардашвили М.К. О необходимости иррациональных выражений. Режим доступа: <http://www.metodolog.ru/00559/00559.html>
9. Маслов А.А. Путь воина. Секреты боевых искусств Японии. Ростов-на-Дону, 2004. 432 с.
10. Поповкин А.В. Ушу тайцзи-цюань // Россия и АТР. Владивосток, 2002. № 2. С. 102—111.
11. Соколов В.Н., Ячин С.Е. Состояние «Мета...» Метакультурное сообщество // Альманах «Восток». 2007. № 2 (43). Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_1197.htm
12. Устав ихэтуаней. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1880-1900/Ihetuan/1-20/20.htm>
13. Хоружий С.С. Герменевтика телесности в духовных традициях и современных практиках себя. Режим доступа: <http://www.antropolog.ru/doc/persons/Норују/Норују3>
14. Хоружий С.С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. 1997. № 6.
15. Хоружий С.С. Человек: сущее, трояко размыкающее себя. Режим доступа: <http://www.antropolog.ru/doc/persons/Норују/Норују2>
16. Шохин В.К. Индийская философия. Шраманский период (середина I тысячелетия до н.э.). СПб., 2007. 427 с.
17. Юнг К.Г. Психология и алхимия. М., 2008. 603 с.

SUMMARY: In the article by Candidate of Philosophical Sciences Anrey. V. Popovkin “Eastern fighting arts in Russia: about the risks of transformed forms of cultural borrowings” the risks of converted forms are analysed in terms of oriental martial arts in Russia. In terms of synergy anthropology more of them were determined as virtual–magic practices. These practices dip human into unreal world and close for him transcendental and symbolic experience, in this case spiritual evolution of human is impossible.